

Солнечно-ласковая женщина Соня из фильма «Родная кровь» Михаила Ершова по прозе Федора Кнорре пленила и, пожалуй, на какое-то время ослепила множество видевших ее людей, причем не только рядовых зрителей, как говорится, а, скажем, такого знающего все о кино человека, как кинорежиссер и актер Владимир Меньшов. Я как-то попросила его — великого спорщика — привести хотя бы один пример, назвать хоть одну, по его мнению, настоящую картину. И он, почти не задумавшись, ответил: «Родная кровь». Оказывается, она у него записана на видеокассету. Привожу дословное признание: «Часто смотрю, люблю и люблюсь, это как праздник». Момент, когда Евгений Матвеев говорит про нищую Сонину халупу: «Хорошо у тебя как...» — Меньшов считает потрясающей находкой, одной из тех находок, которые и есть режиссерское счастье. И все это режиссерское, актерское и зрительское счастье освещалось улыбкой Вии Артмане. Такая у нее была личная жизнь в то далекое время.

Не посетив разные фестивали и смотры, где показывался фильм Валерия Тодоровского «Катафалк» с ее участием, Вия Фрицевна все-таки приехала в Смоленск на актерский фестиваль «Созвездие-91», где работала в жюри театрального показа. Заметим, что в Гильдии актеров советского кино (ГАСК) не муссируется стремление к федерализации, актеры хотят быть вместе. На пресс-конференции народный артист СССР Иннокентий Смоктуновский спросил народную артистку СССР Вию Артману, не жалеет ли она о том, что снималась не только в Латвии. Вопрос риторическим и любовным. Актриса так же любовно и улыбчиво ответила, что не жалеет, и позже пояснила:

— *Мы принадлежим своему искусству и, значит, принадлежали советскому искусству. Мы отдали сначала свой палец, потом всю руку, потом нас взяли с головой, а в итоге мы отдали сердце. Я думаю, во всем, что касается творческих людей, особенно актеров, вся страна останется дружественной. Мы привыкли к этому масштабу, привыкли мчаться на режиссерский зов в любой конец огромной страны. Не знаю, как сложится судьба нашей латышской молодежи, но я не представляю себе, что выросла бы только в своем театре. Ну разве что кто-то приехал бы и посмотрел спектакль или какую-то рижскую картину. Признание пришло только после того, как была приглашена в Ленинград на «Родную кровь». Ответить Иннокентию просто «не жалею» было бы глупостью. Я жалею о другом — как бы в будущем не потерялись такие возможности для наших актеров.*

Прервемся. Чую, как кто-то уже подумывает о косной империалистической пропаганде, о покушении на сияющий факел свободы и т. д., и т. п. В кулуарах находились желающие припомнить, что прекрасная актриса уж слишком процветала на застойном общественном поприще. Но как же ей было не процветать, если ее все обожали, если повсюду приглашали и везде носили на руках? Не знаю. Мне не удастся в этом материале решить общечеловеческую вековую проблему, которой посвящены многочисленные статьи, книги, пьесы и фильмы, да я и не желаю с каждой смелой правительств пересматривать свое отношение к талантливому художнику. Ну не были они диссидентами, так что теперь надо делать вид, что их вообще не было? Как при Брежнев делали вид, что никогда и нигде не было косоглазого вельсича Крамарова? Увольте от страусино-идиотизма. Мне нравится, что у извечно зависимых актеров есть независимый взгляд на профессию.

Кстати, о профессионализме. Любите ли вы «Театр» Сомерсета Моэма и одноименный фильм Яна Стрейча, в котором Вия Артмане блистательно сыграла актрису Джулию Ламберт? Умнейшая и очаровательная работа — забываемая. Помните, как победно вздымает Джулия на сцене красный шарф, с которым взяла очередную высоту? Мы, глядя на экран, радовались не тому, что наша любимица одержала верх над глупенькой Эвис, а тому, что все и всегда, все трудности и кризисы, все невзгоды и недруги побеждают талант, труд и профессионализм. Bravo, таланты! Под красным шарфом вперед к новым победам!

Недавно Вия Фрицевна снялась в совершенно новой для нее роли — ожесточенной, угрюмой, запущенной пожилой женщины. Послушаем, что она говорит об этом.

— *Если в мои годы актер еще хочет работать, надо думать о перевоплощении. Надо себя как-то переделывать. Надо найти в себе мужество и интерес. На премьерных встречах зрители говорили мне: «Зачем же вы?..» А я убеждала себя: «Если любишь свое искусство, терпи». В «Катафалке» есть разруха империи, безнадежность нашей жизни. Остается только выть, как моя дочка по фильму. Это самый выдающийся момент картины. Все мои состояния на экране, мое мышление и действия по ролю говорят о том, что я представитель расколовшейся империи. Я сама создавала свой облик, помогла гримеру и согласилась с оператором Ильей Дежимым, предупредившим, что снимает меня будет в сажом невыгодном освещении, что подчеркнет в моем лице все плохое. (То есть, как вы сами понимаете, в моем лице все прекрасно, но во имя выразительности он хотел подчеркнуть и выдать все мои приобретенные с годами «драгоценности»). Я сама на это шла, но главным гримом оказалась усталость.*

Вечером играла спектакль в Риге, в пять утра садилась в самолет на Симферополь и — прямо на съемочную площадку.

Конечно, это терзание, но иначе нельзя. Такая жизнь тоже поглотила роли. А лучшая и главная помощь для артиста — талантливый и умный режиссер. Валерий Тодоровский — один из редких режиссеров, которые понимают, чего хотят.

Раньше я его знала как хорошего драматурга, написавшего сценарий «Человек свиты» по Владимиру Маханину. Я снималась в этом фильме Андруса Розенберга. Когда сказали, что придет сценарист, думала, что увижу московскую шпану из детей известных родителей, привыкшую подниматься по приготовленным родителями же ступенькам. А приехал интеллигентный, честный и страдающий за свое время человек. Конечно, картина не для ширпотреба, но тем не менее «Катафалк» продан уже в восемь самых серьезных кастран, которые и «киностраны». В Германии он и после двух недель проката собирал полные залы, как мне рассказывали.

Будучи человеком бродячей профессии, Вия Артмане живет в гостиничном номере, как дома. Стол уставлен неизвестно откуда взявшейся посудой, заварен смоленский травяной чай, но, увы, актриса часто заливает им сердечные таблетки. Она не без доли иронии, но внимательно и чутко прислушивается к своему тренированному, однако подуставшему организму. Понимаю зрителя, не желающих признавать неумолимое влияние времени на их кумиров. В ситуации, когда актриса не только талантлива, но и красива, возраст кажется особо наглой несправедливостью. Зато, когда актриса так обаятельно умна и мужественна, как Артмане, подробные соображения автоматически отходят на второй план. А на первом все четче вырисовывается самый главный вывод: основой этой блестящей творческой судьбы была прежде всего женственность — вечное качество. Мне чуточку жаль, что у нас не принято публиковать прелестные устные сведения о торжествующей женственности.

Вия Артмане любит свой Рижский театр им. Я. Райниса и работу на сцене.

Представитель расколовшейся империи

— *В декабре у нас была премьера спектакля по пьесе американского драматурга, писателя и актера Сэма Шеппарда «Ложь ума». Она написана в 1986 году, сравнительно недавно. Манера напоминает О'Нила и греческие трагедии. Для американцев типично внимание к внутреннему состоянию героев, резкие повороты при столкновении разных психологий и парадоксальные реакции. Они знают своего благополучного и довольно равнодушного зрителя, которого надо сотрясти. Мою героиню зовут Лорен, роль сложная, но мне отчасти помог профессиональный перелом, происшедший на «Катафалке». Когда я начинала репетировать, многие говорили: «Ей легко, у нее багаж, опыт...» А я все всегда начинаю с нуля и, дойдя до цели, радуюсь, как маленький ребенок бумажной игрушке. Меня очень скружно воспитывали. У нас был замечательный режиссер Эдуард Смильгис, имя которого надо писать огромными буквами. Суровый человек, под его руководством я за 17 лет ни разу не чувствовала себя «звездой».*

Театр вообще очень суровый мир. Это жизнь и работа, которую лжовая лошадь не вынесла бы, а я пока выдерживаю. За спиной большая театральная жизнь и 54 роли в кино, из которых помнят только 6—7. Я сыграла 8 актрис, но, например, у Джулии были несколько иные заботы, чем у меня. Трудно смотреть на усложняющуюся с каждым днем жизнь, трудно не реагировать на разные горячие решения, принимаемые разогретыми умами. Нужно слишком много сил, чтобы отстаивать перед ними какую-то ясную и простую человеческую мысль. У меня нет таких сил.

Мы страшно политизированы. В американских домах тоже любят поговорить о политике, но это совсем другой эмоциональный уровень. У нас очень болезненно. И в то же время, как ни странно, эмоциональная жизнь людей вообще и зрителей в частности недостаточно развита, если какая-то часть зала смеется в финале «Катафалка», когда девочки воют. Хочется сказать: «Господи, над кем смеетесь?»

Когда-то на спектакле «Варвары», где я играла Надежду Монахову, в зале рассмеялись после моей реплики: «Иди один, жертвец». В ответ на мою тревогу режиссер Аркадий Кац сказал: «Вия, но пьеса ведь именована про это — мы достигли цели». Мы играли «Варваров» 14 лет, а 4 года назад спектакль сняли в связи со смертью моего мужа Артура Димитерса, игравшего Цыганова. Он был репрессированным и непризнанным человеком, но прирожденным артистом. Он бесподобно играл Цыганова, любил характерные роли.

У меня двое детей. Сын выбрал путь лютеранского священника, хотя начинал с православия. Он много учится и возобновляет лютеранскую церковь. Это трудно, но находятся помощники у нас и за рубежом. Дочь закончила скульптурный факультет училища прикладного искусства, но вышла замуж и родила мне внучку. Но бабушка этой девочки очень легкомысленный человек, и дочь сама растит своего ребенка, а на искусство остается мало времени. Но она очень хорошо рисует и, думаю, со временем сможет наверстать упущенное, если ее хрупкая душа освоится в остроконкурентных творческих кругах.

Вия Артмане сдержанно, мудро и чуть иронично говорит о своем «звездном» положении.

— *Я приучена Советской властью работать в искусстве без «звезд». Не думаю, что это лучший вариант, но так оно есть. Тем не менее мне приятно, что есть фестиваль под названием «Созвездие», потому что, если немножко пофантазировать, у каждого человека есть своя звезда на небосклоне. Когда мы уходим, наша звезда гаснет, но зажигаются новые. Небосклон никогда не будет пустым...*

Дая СМЕРНОВА.
Фото А. Белянцева.